

Включая нескольких жителей деревни, присутствующих сегодня, Сюэ Циншань думал о том, чтобы спросить, есть ли те, у кого фамилия Чжэн, и некоторые с фамилией Сюэ. В деревне также есть две семьи со смешанными фамилиями, но все они имеют хорошие связи в деревне.

"Одно нужно решить нескольким старейшинам, или подождать моего отца, он в земле, и он немедленно вернется".

Он говорил о дедушке Сюэ, и остальные вернулись. После того, как он вошел, последовало еще одно приветствие, прежде чем он сел и перешел к теме.

"Мне стыдно это говорить. Некоторые вещи в моей семье заставляли всех смеяться".

В начале этого замечания, за исключением патриарха Сюэ и Чжэн Личжэна, все присутствующие были неизбежно смущены. В конце концов, это было чье 'то семейное дело. Хотя семейное дело всплыло на поверхность, вы могли бы обсудить его в частном порядке и поговорить за столом. Это две разные вещи.

"На самом деле, это явно бедно, и все это бедно. В прошлом все было не так. Я послал одного ребенка, а другой ребенок этого не сделал".

Одного из них тоже зовут Сюэ, и старик по имени Сюэ Ляньхэ, который принадлежит к тому же поколению, что и мистер Сюэ, вздохнул: "Лиан Син, не говори так, твоя семья тоже трудная".

Дедушка Сюэ вздохнул с кривой улыбкой: "Это трудно, никто не труден, этот светлый зал поверхностен. Но как бы это ни было трудно, если вы хотите иметь хорошего ребенка, вы должны сделать признание. Есть одна проблема".

Он вздрогнул, чтобы достать из-за пояса мешочек с сухим табаком, сделал глоток, а затем сказал: "Ладонь и тыльная сторона ладони-это мясо. От чего бы я ни отказался, мне становится плохо. На самом деле, этот вопрос упоминался в прошлом году. Я тащил его за собой. Я боюсь, что буду чувствовать себя неуютно в сердце моего ребенка. Нам, ученым, нелегко предложить ученику, и семья, наконец, выдала Шанзи. Хотя он не стремился сдавать экзамен несколько раз, он не получил его, но он все равно сделал это для деревни. Каждый что-то делал.

"Все эти годы наша семья имела дело с людьми в деревне. Все видят это в глазах, не говоря уже о том, что на расстоянии. Говорят, что в частной школе в Шаньцзы, пока это сельский житель, семьи не хватает, а Шусю опаздывает или даже немного. Наша семья никогда не упоминает об этом. Почему? Потому что нашим соотечественникам нелегко зарабатывать на жизнь, стоя спиной к лессу, и боги не дают им немного лица, а семья и дети голодают. После года истощения некоторых налогов становится недостаточно.

"Вообще-то говоря, я не боюсь, что несколько братьев и сестер будут смеяться. Я изо всех сил старался признаться в кабинете Шанзи. Я просто подумал, что если бы я смог сдать экзамен,

мне не пришлось бы облагать налогом свою семью".

Это замечание подошло к концу, и казалось, что все они сказали несколько кокетливых слов, но не углубились, но сказали, что сердца у всех были смешаны.

Дедушка Сюэ говорит правду, или это правда, вот почему это особенно сложно.

Кто-то, наконец, встал, чтобы высказаться за предыдущее: "Брат Ляньсин, не говори об этом, мы не можем поверить тебе как кому-то? Когда кто-то в деревне распространяет информацию, мы разговаривали с детьми в семье, брат Ляньсин. Не такой человек. Будучи дедушкой, есть те, кто не обижает внуков".

"Да, да, это понятно, с кем не сложно?"

Видя, что все они перекликаются с мистером Сюэ, только по фамилии Чжэн еще не пискнул. Глаза Чжэн Личжэна вспыхнули, он улыбнулся и сказал: "Вклад Шаньцзы в нашу деревню, все в деревне смотрят на это, зная доброжелательность Шаньцзы, все Это для всеобщего сведения. Есть только одно предложение, я не знаю, должен ли я быть старейшиной или нет".

"Дядя Личжэн, ты Личжэн в нашей деревне, в этом нет ничего плохого".

Чжэн Ли кивнул головой: "Само собой разумеется, что это дело вашей семьи, и мне не следовало вмешиваться. Я даже говорил это раньше, Син Син сказал, что ладони и спины-это плоть". Он вдруг вздохнул и серьезно сказал: "Шанзи, не забывай, чего нет у твоего второго сына. Мы все понимаем это здесь, потому что мы живем десятилетиями и не видели этого за всю нашу жизнь. Я боюсь, что посторонние этого не поймут".

Это затруднило Сюэ Циншаню осмотреться на месте, но так как он мог организовать эту сцену, он не остался без контрмеры.

Он сразу же сказал: "Дядя Ли прав, поэтому я обсудил это со своим отцом, и я планирую дать двум детям шанс. Пусть эти двое сравнятся, и тем лучше поступить в школу. Годы, подождите, пока не появится возможность высказаться".

Услышав это, присутствующие люди посмотрели друг на друга и не имели особого мнения. Особенно с учетом предыдущего предзнаменования, слова Сюэ Циншаня кажутся разумными, и выбирать не из чего.

В конце концов, никто не богат, и деньги не плывут по реке.

Все пошли посмотреть на Чжэн Личжэна. Чжэн Личжэн посмотрел на всех с улыбкой и сказал: "Почему вы наблюдаете за мной? Поскольку у семьи Ляньсин есть идея, мы посмотрим на его семью. Но как это соотносится? Мы, старики, не умеем читать, следует ли судить Шанци? "

После паузы он покачал головой: "Нет, нет, Шанзи-отец Джункая. Это единственный способ избежать подозрений. Или выбери другой талант, чтобы убедить всех".

Он поднял глаза, посмотрел на Сюэ Циншаня и улыбнулся: "Шаньцзы, ты не будешь жаловаться на неприятности моего дяди Чжэна. На самом деле, я делаю это и для тебя тоже. Давайте будем честными и яркими.

Сюэ Циншань не мог дождаться, чтобы вышвырнуть этого человека, который всегда был плохим за свои добрые дела в этот момент. Как он мог не жаловаться, но на первый взгляд он не мог этого сказать, но он, казалось, задумался на некоторое время, сказав: "Дядя Ли сказал, что, хотя я и дядя, и мне все равно нужно избегать подозрений. Если я этого не сделаю, я попрошу его, и тогда дядя Ли выйдет вперед, чтобы попросить его. Эти двое будут задавать вопросы на месте и проверять два небольших вопроса".

Чжэн Личжэн прищурился и посмотрел на Сюэ Циншаня, внимательно посмотрев на него, и у него было плохое предчувствие в сердце. Но он вмешивался слишком часто, и это было слишком очевидно, чтобы быть более критичным. Он только кивнул и с улыбкой согласился. Он также похвалил Сюэ Циншаня как ученого, и его мнение было другим.

Все улажено, и остальная часть разговора-просто сплетни.

Поскольку людей пригласили к двери, независимо от того, какая еда была в полдень, мистер Сюэ приказал нескольким невесткам пойти и убрать обед.

Старейшины Фан Цая разговаривали внутри, а Сюэ Тинянь и Сюэ Цзюньцай стояли снаружи, естественно, зная, что произошло.

Лицо Чжаоэра было немного уродливым, но Сюэ Цзюнь с гордостью взглянул на Сюэ Тинянь, а затем вошел вместе со своим отцом, чтобы поговорить с несколькими старейшинами. С тех пор он заслужил еще один комплимент, не упоминая об этом.

Чжаоэр не мог не потащить Сюэ Тинянь обратно в дом, с тревогой сказал: "Что я могу сделать? Если бы я знал это, я бы не смог победить ребенка. Все собаки-плохие сестры, а твоя сестра в беде. "

С тревогой в сердце она произнесла эти слова, как собачья сестра.

"Не бойся, все в порядке".

"Это действительно нормально?" Чжаоэр закрутился взад-вперед, говоря: "Но что, если я проиграю?"

Сюэ Тинянь прищурился: "Ты мне не веришь? Думаешь, я не так хорош, как он?"

Чжаоэр сразу же сказал: "Как это возможно! Моя собака самая умная, и в будущем она станет официальным лицом, а ее сестра будет ждать благословения собаки!"

Это предложение Чжаоэр и Сюэ Тинянь повторяли бесчисленное количество раз.

В детстве, каждый раз, когда он выказывал уныние, она поощряла его таким образом. Даже она думала так в глубине души, поэтому, когда все не смотрели на него и все думали, что он не может, только она все еще болтала и упорствовала и говорила ему это все время, даже делая это с действием.

Жаль, что она не наслаждалась его благословением, и она никогда не наслаждалась им ни дня.

Очевидно, все это было не его опытом, но для него это была мечта, но каждый раз, когда он думал об этом, Сюэ Тинянь испытывал огромное чувство печали.

Он закрыл глаза и улыбнулся уголком рта: "Раз уж ты так сказал, ты боишься проиграть?"

<http://tl.rulate.ru/book/38918/1604609>